

БОЛЬШАЯ САТА О ВЫБОРАХ,
КОТОРЫЕ МЕНЯЮТ ВСЁ

ИНОГДА
ОТПУСК —
ЭТО НЕ
ОТДЫХ,
А НОВОЕ
ИСПЫТАНИЕ...

ЦЕНА СВОБОДЫ

СЕЗОН 2

ТОЛСТИКОВ

Часть 3

РЕБЕНОК ПО РАСПИСАНИЮ

ТОМ 8

Отпуск считается
нарушением

ДОРГА,
КОТОРАЯ ДОЛЖНА
БЫЛА ОБЪЕДИНИТЬ,
СТАЛА НОВЫМ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ
ПРОТИВ НАС...

НАДЕЖДА ПОРОШИНА

СЕМЕЙНАЯ
ДРАМА

РЕАЛЬНЫЕ
ИСТОРИИ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ТРИЛЛЕР

ДОМ
КАК ВЫБОР

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ НЕ ЗАКРЫВАЕТ ГЛАЗА. ОНА ОТКРЫВАЕТ ДОМ.

Надежда Порошина

**ЦЕНА СВОБОДЫ. СЕЗОН 2.
Толстиков. Часть 3. Ребенок
по расписанию. Том 8. Отпуск
считается нарушением**

«Автор»

2026

Порошина Н. А.

ЦЕНА СВОБОДЫ. СЕЗОН 2. Толстиков. Часть 3. Ребенок по расписанию. Том 8. Отпуск считается нарушением / Н. А. Порошина — «Автор», 2026

Лина впервые решается уехать с детьми к бабушке. Билеты куплены, адрес и даты заранее сообщены, пропущенные встречи предложено перенести. Но для Алексея отпуск без его разрешения становится новым доказательством неповиновения. Пока Юля знакомится с бабушкиным домом, а Павел учится отдыхать без постоянного ожидания опасности, Алексей приезжает к пустой квартире. Камера фиксирует закрытую дверь, свидетели подписывают акты, полиция начинает искать ребёнка по адресу, который отцу давно известен. Из обрезанных сообщений и выбранных видеозаписей постепенно складывается удобная история: мать скрылась, отец разыскивал дочь, встречи сорваны. Вернувшись домой, Лина узнаёт, что две недели семейной жизни превратились в двадцать шесть часов «задолженности», а она сама — в должника. «Отпуск считается нарушением» — восьмой том семейно-психологической саги «Цена свободы», остросюжетный роман с элементами мистики. Основано на реальных событиях.

© Порошина Н. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 11. Билеты	5
Глава 12. Разрешение на отдых	25
Глава 13. Поезд	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Надежда Порошина

ЦЕНА СВОБОДЫ. СЕЗОН 2. Толстиков.

Часть 3. Ребенок по расписанию.

Том 8. Отпуск считается нарушением

Глава 11. Билеты

Билеты существовали только в телефоне.

Два файла.

Туда.

Обратно.

Лина открывала их несколько раз, увеличивала изображение и проверяла даты, будто за ночь поезд мог изменить маршрут.

Третье августа.

Семнадцатое августа.

Два взрослых места.

Одно детское.

Павел попросил нижнюю полку.

— Ты же всегда хотел наверху.

— Раньше.

— А сейчас?

Он пожал плечами.

— Сверху не видно, кто идёт по вагону.

Лина посмотрела на сына.

— В поезде не будет Алексея.

— Откуда ты знаешь?

— Он не знает номер поезда.

— Пока.

Это слово Павел произнёс без насмешки.

Как факт.

Лина снова посмотрела на электронный билет.

Номер поезда был закрыт на копии, которую она отправила Алексею. Как и номер вагона, места, серия документа.

Оставались видны:

дата отправления;

город назначения;

дата возвращения;

фамилии пассажиров.

Достаточно, чтобы подтвердить поездку.

Недостаточно, чтобы найти их в вагоне.

По крайней мере, Лина на это надеялась.

— Ты поэтому хочешь ехать снизу? — спросила она.

— Не только.

— А почему ещё?

— Чтобы Юля ко мне приходила.

— Она будет всё время ходить по вагону.
— Тогда я её поймаю.
Из комнаты выбежала Юля.
В руках держала синюю машинку.
Одно колесо снова отклеилось и теперь болталось под неправильным углом.
— Поезд! — сказала она.
— Скоро, — ответил Павел.
— Сейчас.
— Не сейчас. Через месяц.
Юля посмотрела на него.
Месяц был для неё слишком большим временем.
— После сна?
— После многих снов.
Она подумала и подняла машинку.
— Она тоже.
— Возьмём, — сказал Павел.
— С колесом?
— Приклеим.
Он забрал игрушку и осмотрел.
— Опять отходит.
— Может, купить новую? — предложила Лина.
Павел покачал головой.
— Эта уже с нами уезжала.
Он не уточнил, откуда.
Из дома Алексея.
В ночь, когда всё необходимое должно было уместиться в нескольких сумках.
Синяя машинка пережила тот переезд.
Теперь должна была поехать дальше.
— Тогда приклеим, — согласилась Лина.

В половине девятого Алексей прислал письмо.
Не сообщение в мессенджере.
Именно письмо.
В теме стояло:
ВОЗРАЖЕНИЕ ПРОТИВ ВЫВОЗА РЕБЁНКА.

Лина не открывала несколько минут.
Сначала налила себе кофе.
Потом закрыла дверь в комнату, где играли дети.
Только после этого нажала.
Текст был составлен почти официально.
**Настоящим уведомляю, что не давал согласия на вывоз моей несовершенно-
летней дочери Юлии за пределы города в период с 3 по 17 августа.**
**Указанная поездка нарушает установленный порядок моего общения с ребён-
ком, поскольку в период отсутствия приходится три предусмотренные встречи.**
Лина перечитала.
Три.
Раньше Алексей говорил о двух субботах и одной среде.
Теперь каждая дата уже считалась пропущенной, хотя до поездки оставался месяц.

Дальше он требовал:
предоставить полный маршрут;
сообщить номер поезда;
номер вагона;
места;
сведения обо всех сопровождающих;
адрес каждого места пребывания;
номер телефона собственника жилья;
фотографии условий проживания;
сведения о ближайшем медицинском учреждении;
ежедневную видеосвязь;
письменное подтверждение бабушки, что она обязуется не препятствовать его общению с Юлей.

В конце:

В случае непредоставления указанных сведений буду вынужден считать местонахождение ребёнка неизвестным и обратиться в компетентные органы.

Лина почувствовала, как холодеют пальцы.

Адрес был известен.

Телефон был известен.

Даты были известны.

Обратные билеты существовали.

Но Алексей уже подготовил условие, при котором всё это можно будет назвать неизвестностью.

Не предоставила номер вагона — скрывает ребёнка.

Не прислала фотографию комнаты — условия не подтверждены.

Не дала номер бабушки — связь не обеспечена.

Не согласилась на ежедневное видео — местонахождение неизвестно.

Она переслала письмо Вере Михайловне.

Потом написала:

Он может требовать всё это?

Ответ пришёл через несколько минут:

Требовать письмом можно что угодно. Вопрос — что вы обязаны предоставить. Что именно обязана?

Достаточную информацию о поездке и возможность связи с ребёнком. Точный объём зависит от текста соглашения. Номера мест, фотографии жилья и ежедневные отчёты там есть?

Нет.

Тогда не расширяйте свои обязанности его письмом.

Лина снова открыла мировое соглашение.

Пункт о поездках она уже знала почти наизусть.

Но каждый раз искала скрытую строчку, которую могла пропустить.

Заблаговременно уведомлять второго родителя о временном выезде ребёнка, предполагаемых сроках отсутствия, месте пребывания и способе связи.

Уведомлять.

Не получать согласие.

Не направлять фотографии кровати.

Не сообщать номер места.

Не давать контакты всех родственников.

Лина сделала снимок пункта и приложила к ответу.

Написала:

Ты уведомлён о сроках поездки, месте пребывания Юли и способе связи. Обратные билеты приобретены. Предложения по переносу встреч направлены. Дополнительные персональные данные, фотографии жилья, номера вагона и мест предоставлять не буду.

Не отправила.

Слишком коротко?

Алексей скажет, что она отказывается сотрудничать.

Слишком жёстко?

Скажет, что настраивает конфликт.

Недостаточно подробно?

Сделает вид, что не понял.

Лина добавила:

В период поездки Юля будет находиться со мной по адресу, указанному в уведомлении. Связь будет доступна по моему действующему номеру телефона. В дни, предусмотренные графиком, готова организовать видеозвонки в заранее согласованное время.

Перечитала.

Отправила Вере Михайловне.

Юрист ответила:

Достаточно. Не объясняйте, почему не даёте места и номер вагона.

Он напишет, что я скрываю.

Он уже написал. Дополнительные данные не изменят его позицию, только расширят контроль.

Лина отправила письмо.

Через минуту пришло уведомление о прочтении.

Ответа не было.

Павел раскладывал вещи на диване.

Две футболки.

Шорты.

Толстовка.

Носки.

Книга.

Наушники.

Зарядное устройство.

Синяя машинка лежала отдельно, возле клея.

— Зачем ты собираешь сейчас? — спросила Лина.

— Чтобы ничего не забыть.

— За месяц вещи придётся ещё носить.

— Эти не буду.

— Ты хочешь месяц жить без половины одежды?

— У меня ещё есть.

Лина взяла футболку.

— Эту ты постоянно надеваешь.

— Не буду.

— Почему?

Павел пожал плечами.

— Вдруг придётся уехать раньше.
Она положила футболку обратно.
— Мы не собираемся уезжать раньше.
— Но можем.
— Из-за чего?
— Если Алексей найдёт адрес.
— Он знает адрес бабушки.
— Я про наш.
— Домашний?
— Да.
Лина села рядом.
— Он давно знает, где мы живём.
— Тогда почему ты сказала, что не знает?
— Я говорила это сразу после переезда. Потом адрес появился в документах.
— И он может приехать?
— Может.
— А пока нас не будет?
— Тоже может.
Павел посмотрел на собранные вещи.
— Войти сможет?
— Нет.
— У него нет ключа?
— Нет.
— Точно?
— Замки здесь меняли до нашего заселения.
— А если сделал копию потом?
— У него не было ключа.
Павел кивнул.
Но одежду не разобрал.
— Паш, отпуск — это не побег.
— Я знаю.
— Мы уезжаем на две недели и возвращаемся домой.
— Знаю.
— Тогда зачем складывать всё сейчас?
Он провёл пальцем по оторванному колесу машинки.
— В прошлый раз мы тоже сначала думали, что вернёмся за вещами.
Лина замолчала.
После ухода из дома Алексея они действительно планировали забрать остальное позже.
Часть вещей так и осталась там.
Компьютер.
Книги.
Игрушки.
Одежда.
Некоторые документы.
Павел усвоил простое правило:
если вещь важна, она должна находиться рядом до закрытия двери.
— Мы вернёмся, — сказала Лина.
— Ты не можешь обещать за него.
— За него — нет. За себя могу.

— А если он что-то сделает?

— Что?

— Не знаю. Напишет куда-то. Скажет, что мы сбежали.

— Мы не сбегаем.

— Он всё равно так скажет.

— Может сказать.

— Тогда как ты обещаешь?

Лина посмотрела на билеты в телефоне.

Туда и обратно.

Именно для этого она купила обратные сразу.

Не потому, что боялась отсутствия мест.

Потому что билет назад был доказательством намерения вернуться.

Даже обычное возвращение требовало подтверждения заранее.

— У нас есть обратные билеты, — сказала она.

— Он видел?

— Да.

— И всё равно говорит, что ты увозишь Юлю?

— Да.

— Тогда билеты ничего не доказывают.

— Доказывают.

— Кому?

Вопрос повис между ними.

Алексею — ничего.

Вере Михайловне — намерение вернуться.

Будущему сотруднику — возможно.

Суду — если дело дойдёт.

Но ребёнку билет должен был доказывать только одно:

через две недели поезд привезёт их домой.

— Нам, — ответила Лина. — Билеты доказывают нам, что это поездка. Не побег.

Павел подумал.

Потом достал футболку из стопки.

— Тогда эту пока поношу.

Это было маленькое движение.

Но Лина увидела в нём доверие.

Не к Алексею.

Не к системе.

К возвращению.

После обеда позвонила мать.

— Билеты купила?

— Да.

— Наконец-то. Какие места?

— Нижние.

— Номер поезда скажи, я посмотрю, когда встречать.

Лина назвала.

Впервые за сутки произнесла его вслух без тревоги.

Обычная информация.

Нужная человеку, который действительно собирался встретить их на вокзале.

— Прибываете рано, — сказала мать. — Я попрошу соседа отвезти меня.
— Мы можем взять такси.
— Какое такси? Я сама приеду.
— Мам, там ещё Юля, чемодан, Павел.
— Тем более.
На заднем плане что-то зашипело.
— У тебя плита?
— Варенье.
— Какое?
— Смородина. К вашему приезду как раз настоится.
Юля услышала голос бабушки и подбежала.
— Дай!
Лина включила громкую связь.
— Баба!
— Юленька, приедешь ко мне?
— На поезде!
— На поезде. Я тебе кроватку приготовлю.
— Большую?
— Самую большую.
— И зайка.
— Зайку бери.
— И машинку.
— Машинку тоже.
Юля посмотрела на Павла.
— Колесо.
— Приклеим, — напомнил он.
Мать рассмеялась.
— Везите всё. Места хватит.
Лина почувствовала, как внутри становится теплее.
У бабушки места хватало.
Для вещей.
Для детей.
Для игрушки со сломанным колесом.
Там никто не говорил, что Павел занял лучшую комнату.
Не считал, сколько еды съел.
Не требовал держать дверь открытой.
— Только адрес ещё раз пришли, — сказала мать.
— Зачем? Я же знаю.
— Вдруг для документов понадобится.
Лина напряглась.
— Каких документов?
— Ты сама говорила, что ему надо сообщить.
— Я уже сообщила.
— А мой телефон?
— Тоже.
— Он мне звонить будет?
— Может.
— Что говорить?

— Ничего лишнего. Если спросит, здесь ли мы, скажи, что здесь. Если начнёт ругаться — положи трубку.

— А если приедет?

— Позвони мне.

— Я его в дом не пущу.

— Не спорь с ним одна.

— Это мой дом.

— Поэтому и не спорь.

Мать помолчала.

— Ты правда думаешь, что он может приехать за столько километров?

— Не знаю.

— Он же получит видеосвязь.

— Если согласится.

— А почему не согласится?

Лина посмотрела на письмо.

В случае непредоставления сведений буду считать местонахождение неизвестным.

— Потому что ему может быть важнее не увидеть Юлю, а показать, что я её не привезла.

— Кому показать?

— Пока не знаю.

Мать вздохнула.

— Вы приедете. Остальное решим потом.

Лина хотела сказать, что именно так она думала после переезда.

Сначала уехать.

Потом решить.

Но «потом» всё ещё продолжалось.

— Приедем, — сказала она.

Вечером Алексей позвонил.

Лина включила запись.

— Ты получила письмо? — спросил он.

— Получила и ответила.

— Это не ответ.

— Я сообщила всё, что предусмотрено соглашением.

— Ты сама решила, что предусмотрено.

— Я прочитала текст.

— Не надо со мной этим тоном.

— Каким?

— Будто я посторонний.

— Я не говорила, что ты посторонний.

— Тогда почему скрываешь поезд?

— Я не скрываю поездку.

— Номер поезда не даёшь.

— Тебе известны даты, город и адрес.

— Я хочу знать, как перемещается мой ребёнок.

— Она едет со мной.

— Это не ответ.

— Это точный ответ.

— А если что-то случится?

— Я свяжусь с тобой.

— Когда уже случится?

— Алексей, чего именно ты опасаться?

Он не ответил сразу.

— Всего.

— Назови.

— Аварии. Задержки. Что вы сойдёте не там. Что повезёшь её дальше. Что оставишь с незнакомыми людьми.

— Мы едем к моей матери.

— Для меня она посторонняя.

— Она бабушка Юли.

— Она твоя мать. Я её почти не знаю.

— Но номер её телефона требуешь.

— Потому что там будет моя дочь.

— Ты получил номер.

— Хочу поговорить с ней заранее.

— О чём?

— Об условиях.

— Каких?

— Где будет спать Юля. Кто будет находиться в доме. Есть ли там собаки. Чем её будут кормить. Кто повезёт вас с вокзала.

— Ты хочешь провести проверку дома моей матери?

— Я хочу убедиться, что ребёнок в безопасности.

— Ты не проводил проверку собственного дома перед каждой встречей.

— Мой дом я знаю.

— А я знаю дом своей матери.

— У тебя уже были ошибки в оценке безопасности.

— Какие?

— Ты оставляла Пашку одного.

— Это неправда.

— Не будем сейчас.

— Нет, скажи.

— Ты всегда уводишь разговор.

Лина почувствовала знакомое движение.

Он бросал обвинение.

Если она начинала опровергать, разговор уходил от первоначальной темы.

Потом Алексей говорил, что она сама всё смешала.

— Мы говорим о поездке, — сказала Лина.

— Вот и сообщи данные.

— Достаточные данные ты получил.

— Я решу, достаточные они или нет.

— Нет.

— Что «нет»?

— Не ты один определяешь объём моего отчёта.

— Моего ребёнка везут неизвестно куда.

— По известному адресу.

— Адрес можно написать любой.

— Тогда зачем ты его требовал?

Алексей замолчал.

— Ты обязана подтвердить, что действительно будешь там.

— Как?

— Каждый день выходить на видеосвязь.

— Я предложила звонки в дни графика.

— Мне нужно каждый день.

— Для чего?

— Видеть ребёнка.

— Ты не звонил ей каждый день, пока мы находились в одном городе.

— Потому что знал, где она.

— Сейчас тоже знаешь.

— Сейчас ты её увозишь.

— Во временную поездку.

— Без моего согласия.

— Оно не требуется.

— Ты юрист?

— Нет.

— Тогда не рассказывай мне, что требуется.

— Я консультировалась.

— С Верой своей?

— С представителем.

— Она за твои деньги напишет всё, что хочешь.

— Именно поэтому я читаю документы сама.

— Значит, ты заранее готовилась.

— К поездке?

— К нарушению.

Лина закрыла глаза.

Вот оно.

Снова.

Подготовка к законному действию превращалась в доказательство умысла.

— Я заранее уведомила тебя, — сказала она.

— Ты заранее сообщила, что не собираешься исполнять график.

— И предложила перенос.

— Я не согласился.

— Почему?

— Потому что меня устраивает установленный порядок.

— Установленный порядок не запрещает отпуск.

— А отпуск не отменяет мои дни.

— Поэтому я предложила другие.

— Мне не нужны другие.

— Тогда чего ты хочешь?

— Чтобы Юля осталась.

Ответ прозвучал просто.

Без ссылок.

Без медицинских формулировок.

Без разговоров о безопасности.

— Со мной или без меня? — спросила Лина.

— Какая разница?

— Большая.

- Можешь ехать с Пашей. Юля останется у меня.
Лина почувствовала холод.
Отпуск снова использовался для разделения детей.
Павел — её сын.
Юля — его дочь.
Будто общая семья существовала только до тех пор, пока была удобна Алексею.
— Нет.
— Почему?
— Потому что мы едем вместе.
— То есть ты выбираешь Пашку.
— Я выбираю не разделять детей.
— Юля две недели могла бы пожить с отцом.
— Она никогда не оставалась у тебя на такой срок.
— Когда-то надо начинать.
— Не потому, что я еду в отпуск.
— А почему нет?
— Потому что длительное проживание не вводится как альтернатива поездке с матерью.
— Опять готовые фразы.
— Нет. Просто ответ.
— Ты не хочешь, чтобы у неё появился настоящий дом.
Лина посмотрела вокруг.
Маленькая кухня.
Чашка Юли.
Рисунок Павла на холодильнике.
Коробка с лекарствами.
Фотография у окна.
— У неё есть дом.
— Съёмная квартира?
— Дом определяется не собственностью.
— Конечно. Потому что собственности у тебя нет.
Удар был рассчитан.
Раньше Лина стала бы объяснять.
Рассказывать о работе.
О расходах.
О том, почему съёмная квартира безопаснее его дома с камерами.
Сейчас сказала:
— Поездка состоится.
— Тогда я зафиксирую нарушение.
— Фиксируй, что считаешь нужным.
— В дни встреч я приеду.
— Куда?
— К месту передачи.
— Ты знаешь, что нас там не будет.
— Это твоя проблема.
— Зачем ехать к пустому дому?
— Чтобы потом ты не сказала, что я не пытался увидеть дочь.
— Я предлагаю видеосвязь.
— Мне нужна личная встреча.
— Мы будем за сотни километров.

— Потому что ты так решила.
— Значит, ты сознательно приедешь туда, где Юли нет.
— Я приеду туда, где она должна быть.
Лина записала эту фразу внутри себя раньше, чем проверила диктофон.
Туда, где ребёнок должен быть.
Не туда, где находится.
Не туда, где ждёт звонка.
Туда, где отсутствие можно снять.
— Ты приедешь за Юлей? — спросила она.
— Да.
— Но знаешь, что она у бабушки.
— Знаю, что ты так написала.
— И получил билеты.
— Обрезанные.
— На них видны даты и город.
— Номер поезда ты скрыла.
— Это не меняет город.
— Увидим.
— Что именно?
— Где вы окажетесь.
Он отключился.
Красная линия записи продолжала двигаться.
Лина остановила её.
Сохранила файл:
Разговор о поездке. Признание намерения приехать по месту передачи.
Потом переименовала:
Приеду туда, где она должна быть.

Ночью Павел не спал.
Лина увидела свет под дверью.
Постучала.
— Можно?
— Да.
Он сидел за компьютером.
На экране была карта железной дороги.
— Что делаешь?
— Смотрю маршрут.
— Зачем?
— Там много остановок.
— Да.
— Мы можем выйти раньше?
— Зачем?
— Если Алексей узнает поезд.
Лина села на край дивана.
— Мы не будем менять маршрут из-за него.
— А если он приедет на вокзал?
— Тогда обратимся к полиции.
— А он скажет, что отец.

— Скажет.
— И что мы скрываем Юлю.
— Мы не скрываем.
— Но полиция сначала услышит его.
Лина посмотрела на карту.
Павел отметил несколько станций.
Не ради интереса.
Искал запасные выходы.
— Закрой карту, — сказала она.
— Почему?
— Потому что мы едем к бабушке, а не планируем эвакуацию.
— А если понадобится?
— Тогда решу я.
— Ты можешь не успеть.
— Паш.
— Что?
— Ты снова пытаешься отвечать за нашу безопасность.
— Кто-то должен.
— Я отвечаю.
— Ты не всё можешь.
— Да.
Он повернулся.
Не ожидал согласия.
— Я не всё могу, — повторила Лина. — Не могу запретить Алексею писать жалобы.
Не могу обещать, что он не придет. Не могу сделать так, чтобы полиция сразу поняла всю историю. Но маршрут, документы и решения взрослых — моя ответственность.
— А моя?
— Собрать книгу, наушники и одежду.
— И машинку.
— И машинку.
— А если он войдет в поезд?
— Тогда ты не споришь с ним. Не снимаешь. Не заслоняешь Юлю. Сразу зовешь меня или проводника.
— Но...
— Это важно.
— Я не буду просто смотреть.
— Ты не должен меня защищать телом.
— А как?
— Оставаться рядом, но не вставать между взрослыми.
Павел опустил глаза.
— Раньше никто не вставал.
Лина поняла, о чём он.
О доме.
О криках.
О закрытых дверях.
О моментах, когда ему приходилось наблюдать и решать, надо ли вмешаться.
— Теперь я не одна, — сказала она. — Есть люди, которым можно позвонить. Есть документы. Есть Вера Михайловна. Есть Ирина. Есть полиция.
— Полиция, которую он вызовет?

— Иногда один и тот же человек может вызвать систему, но это не значит, что система принадлежит ему.

— Ты уверена?

— Нет.

Честный ответ снова оказался единственным возможным.

— Но я знаю, что ты не должен становиться щитом.

Павел закрыл карту.

— Хорошо.

— Что возьмёшь читать?

— Не знаю.

— Выбери завтра.

— Можно две книги?

— Можно три.

— Ты же скажешь, что чемодан тяжёлый.

— Скажу.

— И заставишь убрать одну?

— Возможно.

Он улыбнулся.

Тревога не исчезла.

Но рядом с ней появилось обычное решение.

Какие книги взять в поезд.

Лина выключила свет и оставила дверь закрытой.

Утром в почте появилось новое сообщение.

Алексей направил копию своего возражения в отдел опеки.

В письме Лине стояла отметка:

Копия адресату.

Он просил:

предупредить нарушение прав отца;

разъяснить матери необходимость получить согласие;

проверить условия предполагаемого проживания;

обязать предоставить полные сведения о маршруте;

не допустить вывоз ребёнка до разрешения разногласий.

Лина переслала письмо Вере Михайловне.

Он хочет запретить поездку через опеку.

Ответ:

Опека не выдаёт разрешение на обычный отпуск одного родителя с ребёнком и не заменяет суд. Но обращение рассмотрят.

То есть снова объяснение?

Вероятно.

Мы ещё не уехали.

Именно. Он заранее формирует документы.

Лина посмотрела на билеты.

До отправления оставалось двадцать восемь дней.

Но в официальной переписке отпуск уже начался.

Юля ещё ходила в сад.

Павел ещё не собрал книги.

Чемодан стоял пустым.

А Алексей уже требовал предотвратить нарушение, которое существовало только в будущем.

Из опеки позвонили после обеда.

Наталья Сергеевна говорила устало:

— Поступило обращение от отца Юлии.

— Я видела копию.

— Вы действительно планируете поездку?

— Да.

— Даты с третьего по семнадцатое августа?

— Да.

— Отец уведомлён?

— За месяц. Получил адрес, мой телефон, сведения о билетах и предложения по переносу встреч.

— Он не согласен с переносом.

— Я знаю.

— Есть возможность изменить даты так, чтобы не затрагивать график?

— Тогда отпуск придётся сократить почти вдвое.

— Возможно, это снизит конфликт.

— Но не будет учитывать интересы нашей семьи.

— Я понимаю.

— Павел тоже ребёнок. Он хочет увидеть бабушку.

— Формально наше обращение касается Юлии.

— Вот именно. Алексей снова делает вид, будто она существует отдельно от брата и матери.

— Никто не предлагает разделять семью.

— Он предложил оставить Юлю у него на две недели, а мне ехать с Павлом.

На линии возникла пауза.

— Он сообщал, что готов обеспечить уход.

— Это не значит, что такой вариант отвечает интересам Юли.

— Вы не рассматриваете длительное пребывание у отца?

— Не сейчас и не как условие моего отпуска.

— Почему?

— Потому что она никогда не оставалась у него на такой срок. Потому что постепенный порядок общения установлен не случайно. Потому что поездка к бабушке не должна превращаться в передачу ребёнка на две недели.

Наталья Сергеевна что-то записывала.

— Отец утверждает, что вы ставите его перед фактом.

— Я уведомляю. Он называет согласованием только своё право запретить.

— Возможно, стоит провести совместную беседу.

— До поездки?

— Да.

— О чём?

— О вариантах компенсации.

— Я уже предложила.

— Отец их не принимает.

— Тогда что изменит беседа?

— Иногда личный разговор помогает.

Лина вспомнила все личные разговоры.

Машину.

Заблокированную дверь.

Пиво.

Слова «я всё равно найду».

— Я приду с представителем и буду вести запись.

— Это ваше право.

— Отдельное ожидание.

— Организуем.

— Но поездку я не отменю.

— Я не прошу отменять.

— А что вы просите?

— Постараться договориться.

— Если компромисс означает, что я должна отказаться от своего решения, это не компромисс.

Наталья Сергеевна вздохнула.

— Я понимаю, что у вас сложные отношения.

— Сейчас речь не об отношениях. Я сообщила всё необходимое.

— Отец считает недостаточным.

— Потому что достаточным для него будет только мой отказ от поездки.

— Это его позиция.

— А ваша?

Сотрудница замолчала.

— Наша позиция — интересы ребёнка и равенство прав родителей.

— Поездка к бабушке нарушает интересы ребёнка?

— Мы этого не установили.

— Тогда что проверяете?

— Обстоятельства обращения.

Та же формула.

Поступило обращение.

Значит, начинается процедура.

Даже если событие ещё не произошло.

Вечером Лина распечатала билеты.

Не для Алексея.

Для себя.

Положила их на стол.

Белые листы с чёрными строками.

Один конец маршрута.

Второй.

Между ними — две недели.

Павел подошёл.

— Это наши?

— Да.

— Можно посмотреть?

Она передала ему.

Он нашёл своё имя.

Потом имя Юли.

Провёл пальцем по дате возвращения.

— Семнадцатого точно обратно?

— Точно.

— А если захотим остаться ещё?

— Купим новые билеты и заранее сообщим.

— Ему?

— Да.

— А если он не согласится?

Лина улыбнулась без радости.

— Тогда напишет ещё одно письмо.

Павел положил билеты на стол.

— Раньше ты боялась, что он не даст нам уехать.

— Я и сейчас боюсь.

— Но мы поедem?

— Поедем.

— Значит, страх не решает?

— Не всегда.

— А что решает?

Лина посмотрела на билеты.

— Мы.

Ночью ей приснился вокзал.

Не тот, с которого они должны были уезжать.

Другой.

Без крыши.

Без касс.

Без людей.

Вместо путей по земле были разложены календари.

Каждая рельса состояла из дат.

Третье августа.

Шестое.

Тринадцатое.

Семнадцатое.

Поезд стоял у платформы.

В окне сидела Юля с синей машинкой.

Рядом Павел держал три книги.

— Пора, — сказала Лина.

Но дверь вагона не открылась.

На ручке висела красная лента.

На ней не было слов.

Только отпечаток мужской ладони.

Девочка в светлом платье стояла рядом с проводником.

— Он запретил? — спросила Лина.

— Он сказал, что запретил.

— Это одно и то же?

— Пока ты веришь — да.

Лина потянула ленту.

Она оказалась тонкой.

Почти бумажной.
Порвалась сразу.
Дверь открылась.
— А что будет потом? — спросила Лина.
Девочка указала назад.
На пустой вокзал въехала машина Алексея.
Остановилась напротив места, где поезд уже не стоял.
На лобовом стекле загорелась красная точка.
— Он опоздал? — спросила Лина.
— Нет.
— Но нас уже нет.
— Поэтому он и приехал.
Алексей вышел из машины.
Посмотрел в камеру.
Сказал:
— Ребёнок отсутствует.
Его голос разнёсся по пустому вокзалу.
— Но он знает, что мы в поезде, — сказала Лина.
— Знает.
— Тогда зачем приехал?
Девочка посмотрела на камеру.
— Ему нужно место, где вас нет.
Поезд тронулся.
Лина вскочила в вагон.
Красная линия побежала рядом с колёсами.
Сначала успевала.
Потом стала отставать.
Но не исчезла.
Она тянулась вслед за поездом.
К дому.
К подъезду.
К будущему видео.
Лина проснулась.

Утром пришло сообщение от Алексея:

**6 И 13 АВГУСТА Я БУДУ НАХОДИТЬСЯ ПО МЕСТУ ПЕРЕДАЧИ В УСТАНОВ-
ЛЕННОЕ ВРЕМЯ. ОТСУТСТВИЕ РЕБЁНКА БУДЕТ ЗАФИКСИРОВАНО.**

Лина не ответила сразу.

Сделала снимок экрана.

Сохранила.

Потом написала:

**Ты заранее уведомлён, что в эти даты Юля будет находиться со мной у бабушки
по указанному адресу. Встречи предложено перенести. Также предложена видео-
связь.**

Алексей ответил:

МНЕ НЕ НУЖНА ВИДЕОСВЯЗЬ ВМЕСТО РЕБЁНКА.

Тогда зачем ты собираешься ехать к пустому дому?

Три точки появились.

Исчезли.

Появились снова.

ЧТОБЫ ДОКАЗАТЬ, ЧТО ТЫ НЕ ИСПОЛНЯЕШЬ СОГЛАШЕНИЕ.

Прямее он ещё не говорил.

Лина перечитала.

Позвала Павла.

Сразу пожалела.

Он установил границу.

Не хотел становиться папкой.

— Что? — спросил он из коридора.

Лина закрыла переписку.

— Ничего. Хотела спросить, будешь завтракать.

— Буду.

Он сел за стол.

Юля катала синюю машинку по краю подоконника.

Колесо держалось.

— Он опять написал? — спросил Павел.

— Да.

— Приедет, когда нас не будет?

— Да.

— Я так и думал.

— Паш, тебе не нужно это запоминать.

— Я не запоминаю. Просто понял.

— Что?

Он налил молоко в кружку.

— Если бы он ехал за Юлей, поехал бы туда, где Юля.

Лина посмотрела на сына.

— А он куда поедет?

— Туда, где её нет.

— Зачем?

Павел пожал плечами.

— Ты сама знаешь.

Лина знала.

Но хотела услышать, существует ли другой ответ.

— Не за нами, — сказала она.

— А за чем?

Она открыла папку **Отпуск**.

Положила туда новое сообщение.

Рядом с билетами.

Рядом с адресом.

Рядом с предложением переноса.

— За доказательством.

За окном проехала тёмная машина.

Не Алексея.

Обычная.

Она скрылась за домом.

Лина посмотрела на распечатанные билеты.

Поезд ещё не отправился.

Отпуск ещё не начался.

Никто ещё не стоял возле пустого подъезда.
Но место будущего отсутствия уже было выбрано.
И камера уже знала, куда будет смотреть.

Глава 12. Разрешение на отдых

Совместную беседу назначили на понедельник.

До поездки оставалось три недели.

До первой пропущенной, по версии Алексея, встречи — двадцать четыре дня.

Но Наталья Сергеевна говорила о ней так, будто нарушение уже произошло.

— Нам нужно заранее снять разногласия, — сказала она по телефону. — Чтобы во время поездки не возникло новых обращений.

— Они уже возникли.

— Пока это одно обращение.

— И возражение по электронной почте.

— Это относится к тому же вопросу.

— Алексей написал, что дважды приедет к пустому дому и зафиксирует отсутствие Юли.

— Возможно, на совместной встрече он изменит позицию.

— Почему?

Сотрудница опеки помолчала.

— Потому что вы обсудите варианты лично.

— Все варианты уже направлены ему письменно.

— Личный разговор иногда помогает родителям услышать друг друга.

Лина посмотрела на телефон.

Она давно заметила: учреждения верили в разговор сильнее, чем люди, которые в нём участвовали.

Разговор считался способом решить конфликт.

Даже если один человек использовал его, чтобы повторить требования.

Даже если каждое «нет» становилось началом нового давления.

Даже если после разговора оставалось только две версии того, что было сказано.

— Я приду с Верой Михайловной, — сказала Лина.

— Хорошо.

— Беседа будет зафиксирована?

— Составим протокол.

— Я включу свою запись.

— Предупредите участников.

— Предупрежу.

— И, Лина...

— Да?

— Постарайтесь прийти с готовностью к компромиссу.

— Я уже предложила перенести встречи.

— Возможно, отец предложит что-то ещё.

— Он предложил оставить Юлю у него на две недели.

— Это тоже вариант.

— Для кого?

— Его можно обсудить.

— Обсудить можно. Согласиться — нет.

— Вот поэтому и нужна встреча.

Разговор закончился.

Лина ещё несколько секунд держала телефон в руке.

Слова «готовность к компромиссу» означали, что её предложения уже не были признаны компромиссом.

Перенести встречи.
Дать дополнительные часы.
Обеспечить видеозвонки.
Сообщить адрес.
Оставаться на связи.
Этого оказалось мало.
Потому что Алексей не согласился.
А если одна сторона отвергала все варианты, вторая должна была предложить новые.
Так продолжалось до тех пор, пока среди новых не появлялся тот, который устраивал его.

Вера Михайловна приехала за полчаса до встречи.
Они сели в небольшом кафе напротив здания опеки.

Юля была в саду.

Павел — в школе.

На столе лежали:

мировое соглашение;

билеты;

уведомление о поездке;

предложения по переносу встреч;

ответ Алексея;

его обращение в опеку;

распечатка сообщения о будущей фиксации.

Вера Михайловна просмотрела документы.

— На встрече не нужно доказывать право на отпуск в целом, — сказала она.

— Почему?

— Потому что опека не выдаёт разрешение на эту поездку.

— Алексей как раз хочет, чтобы выдали запрет.

— Не выдадут.

— А если рекомендуют не ехать?

— Рекомендация не равна запрету.

— Но он потом приложит её к жалобе.

— Поэтому наша задача — не допустить двусмысленной формулировки.

Лина посмотрела на папку.

— Как?

— Спокойно повторять три вещи. Отец уведомлён. Место пребывания известно. Альтернативное общение предложено.

— Он скажет, что не согласен.

— Это четвёртый факт. Но его несогласие не отменяет первые три.

— А если начнёт говорить про Павла?

— Возвращаем разговор к поездке.

— Про мои прошлые нарушения?

— Просим назвать конкретные даты и документы.

— Про то, что я ставлю его перед фактом?

— Напоминаем: вы уведомили заранее и предложили варианты.

— Про ежедневные звонки?

— Вы готовы обеспечить разумную связь, но не круглосуточный контроль.

— А что считается разумным?

— Например, видеозвонки в дни, когда должны были состояться встречи, плюс возможность связаться при необходимости.

— Он потребует каждый день.

— Пусть объяснит, зачем.

Лина усмехнулась.

— Скажет: «Я отец».

— Тогда спросим ещё раз.

Официантка принесла кофе.

Лина не притронулась.

— Вы уверены, что он не сможет запретить поездку? — спросила она.

— Я уверена, что одного его несогласия для этого недостаточно.

— Это не одно и то же.

— Не одно.

— Значит, риск есть?

— Риск нового обращения есть всегда. Риск срочного официального запрета на обычную поездку по тем материалам, которые я видела, не выглядит обоснованным.

— «Не выглядит»? —

— Я не даю гарантий за решения других людей.

Фраза была знакомой.

Лина часто говорила её Павлу.

Теперь слышала от юриста.

— Тогда зачем вообще документы?

— Чтобы решениям было на что опираться.

— А если человек принимает решение не по документам?

— Тогда его обжалуют.

— Потом.

— Да.

— Всегда потом.

Вера Михайловна сложила бумаги.

— Право часто работает после нарушения, а не до него.

— Удобно.

— Нет. Но так бывает.

Лина наконец сделала глоток.

Кофе остыл.

— Я не отменю поездку.

— И не нужно.

— Даже если опека посоветует?

— Выслушаем основание.

— А если основание — конфликт?

— Сам по себе конфликт не означает, что ребёнок должен лишиться отпуска.

— Тогда почему я чувствую, будто иду просить разрешения?

Вера Михайловна посмотрела на здание через дорогу.

— Потому что вас пригласили объяснить законное решение до того, как вы его исполнили.

— Значит, он уже добился своего.

— Чего?

— Чтобы моя поездка зависела от чужой оценки.

— Нет. Он добился беседы. Решение всё ещё принимаете вы.

Лина посмотрела на билеты.

Два белых листа среди серых копий.
Единственные документы, созданные не из-за спора.

Алексей сидел возле кабинета.
На этот раз рядом с ним лежала папка.
Толще, чем папка Лины.
Увидев Веру Михайловну, он усмехнулся.
— Без адвоката уже никуда?
— Я представитель, — сказала она.
— Я не к вам обращался.
— Сегодня общая беседа.
— Семейная.
— Тогда зачем вы подали официальное обращение?
Он посмотрел на Лину.
— Ты даже говорить сама не можешь?
— Могу.
— Тогда пусть она подождёт снаружи.
— Нет.
— Боишься?
— Да.
Ответ снова остановил его на секунду.
Раньше Лина старалась не произносить это слово.
Боялась дать ему удовлетворение.
Теперь страх был не признанием поражения.
Фактом, который объяснял необходимость свидетеля.
— Чего на этот раз? — спросил Алексей.
— Что после разговора ты изменишь его содержание.
— Записывай.
— Уже.
Лина показала телефон.
Красная линия двигалась.
Алексей открыл рот, но в этот момент вышла Наталья Сергеевна.
— Проходите.

На столе лежало обращение Алексея.
Лина увидела первый лист.
В верхней части крупно:

О ПРЕДОТВРАЩЕНИИ НАРУШЕНИЯ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕЙ И ЕЁ ОТЦА.

Нарушение ещё не произошло.
Но уже имело заголовок.

— Давайте определим предмет беседы, — сказала Наталья Сергеевна. — Мать планирует временную поездку с ребёнком к родственникам. Отец считает, что поездка нарушит установленный порядок общения. Наша задача — определить возможный вариант, который позволит учесть интересы ребёнка и права обоих родителей.

— Вариант простой, — сказал Алексей. — Юля остаётся со мной.
— На две недели? — уточнила сотрудница.

- Да.
- Ранее она проживала у вас такой срок без матери?
- Нет. Потому что Лина не даёт.
- Речь не о причине. Был такой опыт?
- Откуда ему взяться, если она всё запрещает?
- Наталья Сергеевна сделала пометку.
- Как сейчас проходят встречи?
- Нормально.
- Были ночёвки?
- По соглашению будут.
- Сейчас?
- Нет.
- Значит, вы предлагаете сразу перейти от встреч продолжительностью несколько часов к двухнедельному проживанию?
- Она будет с родным отцом.
- Это не отвечает на вопрос о постепенности, — сказала Вера Михайловна.
- Алексей повернулся к ней.
- Я вам уже сказал: это семейный вопрос.
- И он рассматривается государственным органом по вашему письменному обращению.
- Наталья Сергеевна подняла руку.
- Давайте без споров о статусе участников. Алексей, почему вы считаете двухнедельное пребывание с вами лучшим вариантом для Юлии?
- Потому что ребёнку не придётся ехать неизвестно куда.
- Адрес вам предоставлен.
- Я там не был.
- Это дом бабушки ребёнка, — сказала Лина.
- Твоей матери.
- И бабушки Юли.
- Я её почти не знаю.
- Ты не обязан знать всех родственников, чтобы они существовали.
- Я обязан понимать, кому ты отдаёшь ребёнка.
- Я не отдаю. Я еду вместе с ней.
- Ты можешь заниматься своими делами.
- Какими?
- Откуда я знаю? Ты всё время что-то скрываешь.
- Я беру отпуск, чтобы провести его с детьми.
- Это ты сейчас так говоришь.
- Лина почувствовала, как привычное желание оправдаться поднимается внутри.
- Рассказать о бабушке.
- О доме.
- О детской кровати.
- О саде.
- О соседях.
- О том, что она будет рядом.
- Но вспомнила три факта.
- Уведомлён.
- Адрес известен.
- Связь предложена.
- Я буду находиться вместе с Юлей по сообщённому адресу, — сказала она.

— Докажи.

— Какое доказательство ты считаешь достаточным?

— Ежедневная видеосвязь.

— Нет.

— Тогда значит, тебя там не будет.

— Почему?

— Потому что человеку, который говорит правду, нечего скрывать.

Вера Михайловна наклонилась вперёд.

— Отказ от ежедневного видеообзора частного жилья не подтверждает отсутствие ребёнка по адресу.

— Я не прошу обзор.

— В письме вы потребовали фотографии условий проживания, всех комнат, спального места, двора и людей, которые будут находиться в доме.

— Я должен знать условия.

— Вы не наделены полномочиями проводить проверку жилища матери ребёнка или его бабушки.

— А если там опасно?

— У вас есть конкретные сведения об угрозе?

Алексей помолчал.

— Нет. Потому что информацию скрывают.

— Отсутствие информации, которую вы хотите получить, не является сведением об угрозе.

Он повернулся к Наталье Сергеевне.

— Вы слышите? Мне предлагают поверить на слово.

— Вам сообщили адрес, — ответила она. — Если у органа опеки возникнут основания проверять условия, проверку проведут уполномоченные сотрудники.

— А не я.

— Не вы.

Впервые граница прозвучала прямо.

Алексей откинулся на спинку стула.

— Хорошо. Тогда пусть опека проверит.

— Для этого нужны основания.

— Моего обращения недостаточно?

— Для рассмотрения — достаточно. Для обследования жилища в другом регионе только потому, что вы там не были, — нет.

Лина увидела, как изменилось его лицо.

Совсем немного.

Но знакомо.

Когда человек отказывался действовать по его команде, Алексей сначала замолкал.

Потом искал другую формулировку.

— Я опасюсь за безопасность ребёнка, — сказал он.

— На чём основаны опасения? — спросила Наталья Сергеевна.

— На поведении матери.

— Каком именно?

— Она уже увозила ребёнка без моего согласия.

— Когда?

— Когда ушла из дома.

Лина почувствовала холод.

— Я переехала вместе с детьми после преследования.

- Ты похитила мою дочь.
- Не употребляй это слово.
- А как назвать?
- Переезд матери с ребёнком на отдельное место жительства, — сказала Вера Михайловна. — Местонахождение ребёнка от вас не скрывалось, общение впоследствии было урегулировано соглашением.
- Вот именно. Теперь есть соглашение.
- Которое не содержит запрета на временные поездки.
- Но содержит график.
- Наталья Сергеевна снова сделала пометку.
- Вернёмся к датам. Лина предложила перенести встречи шестого и тринадцатого августа.
- Меня даты не устраивают, — сказал Алексей.
- Почему?
- Я работаю.
- Были предложены несколько вариантов, — сказала Лина. — Первое и второе августа до поездки. Восемнадцатое и девятнадцатое после возвращения. Будний день вечером.
- Мне нужен мой день.
- Шестого августа мы будем у бабушки.
- Это твоё решение.
- Поэтому я предлагаю замену.
- Замена не равна исполнению.
- Что для тебя будет компромиссом? — спросила Лина.
- Не уезжать в мои дни.
- Это не компромисс. Это отмена поездки.
- Сократи её.
- Тогда Павел и Юля проведут у бабушки четыре дня вместо двух недель.
- Мне всё равно, сколько проведёт Паша.
- Слова прозвучали спокойно.
- Наталья Сергеевна подняла глаза.
- Лина почувствовала, как они отделили сына от семьи прямо в кабинете.
- А мне не всё равно, — сказала она. — У меня двое детей.
- У меня один.
- Поэтому ты снова предлагаешь разделить их?
- Не драматизируй. Паша может ехать с тобой.
- А Юля останется у тебя.
- Да.
- На две недели без матери, хотя никогда не ночевала у тебя.
- Привыкнет.
- Она не должна привыкать в качестве решения твоего спора со мной.
- Она должна привыкать к отцу.
- Постепенно.
- Ты будешь говорить «постепенно», пока ей восемнадцать не исполнится.
- Порядок уже расширяется по соглашению.
- Когда тебе удобно.
- Когда указано в соглашении.
- А когда мне неудобно, ты сразу вспоминаешь текст.
- Мы оба должны помнить текст.
- Тогда шестого и тринадцатого ребёнок должен быть передан.

Круг замкнулся.

Наталья Сергеевна посмотрела сначала на Алексея, потом на Лину.

— Возможен ли такой вариант: сократить поездку до десяти дней и компенсировать одну встречу?

— Нет, — сказала Лина.

Алексей усмехнулся.

— Вот её готовность к компромиссу.

— Я уже купила билеты на две недели. Это мой отпуск. Дети хотят увидеть бабушку. Я предложила компенсировать обе встречи, не одну.

— Но отец не согласен с датами, — сказала сотрудница.

— Он не согласен ни с одной датой, потому что хочет отменить поездку.

— Я хочу соблюдать решение суда, — поправил Алексей.

— Мировое соглашение, — сказала Вера Михайловна.

— Какая разница?

— Существенная. Стороны сами согласовали условия. В них предусмотрена необходимость учитывать обстоятельства и интересы ребёнка, а также возможность согласования изменений.

— Она ничего не согласовывает.

— Потому что под согласованием вы понимаете право наложить запрет.

— Я отец.

Лина закрыла глаза на секунду.

Титул снова заменил довод.

— Давайте рассмотрим видеосвязь, — предложила Наталья Сергеевна. — Лина готова обеспечить её в дни встреч?

— Да. В согласованное время.

— Ежедневно, — сказал Алексей.

— Почему ежедневно? — спросила сотрудница.

— Две недели — большой срок.

— Ты не общаешься с ней ежедневно сейчас, — сказала Лина.

— Сейчас она в городе.

— Какая разница для видеозвонка?

— Я знаю, где она.

— Во время отпуска тоже будешь знать.

— Пока не увижу — не узнаю.

— Тогда видеозвонки в дни графика подтвердят, что она там.

— Этого мало.

— Сколько достаточно?

— Каждый день утром и вечером.

В кабинете стало тихо.

— Два раза в день? — переспросила Наталья Сергеевна.

— Да.

— Для ребёнка младшего возраста ежедневные обязательные видеозвонки два раза в день могут сами по себе стать нагрузкой, — сказала Вера Михайловна.

— Пять минут не нагрузка.

— Речь не только о продолжительности. Отпуск не должен быть организован вокруг отчётов.

— Это не отчёты. Общение с отцом.

— Тогда почему вы не звоните дочери дважды в день сейчас? — спросила Лина.

Алексей посмотрел на неё.

— Потому что ты всё равно не дашь нормально разговаривать.

— Ты почти не просишь.

— Потому что заранее знаю ответ.

— Последние три видеозвонка предложила я.

— Когда уже сорвала личные встречи.

— Из-за болезни.

— Опять болезнь.

— Она существовала.

— Мы сейчас про отпуск.

Наталья Сергеевна постучала ручкой по столу.

— Предлагаю зафиксировать: видеосвязь шестого и тринадцатого августа в восемнадцать часов. Дополнительно мать сообщает о прибытии и возвращении.

— Нет, — сказал Алексей.

— Почему?

— Это не компенсирует встречи.

— Мы сейчас обсуждаем поддержание контакта во время поездки. Компенсационные даты можно согласовать отдельно.

— Я уже сказал: мне не нужны подачки.

— Тогда что вам нужно? — спросила сотрудница.

— Чтобы ребёнок был передан по графику.

— Это невозможно без прерывания поездки.

— Значит, пусть не едет.

Наталья Сергеевна положила ручку.

— Получается, единственный вариант, который вы считаете приемлемым, — отмена поездки ребёнка либо его двухнедельное проживание с вами.

— Да.

— Другие варианты вы не рассматриваете?

— Они нарушают мои права.

Сотрудница записала.

Лина посмотрела на Веру Михайловну.

Та едва заметно кивнула.

Не победа.

Но важная фиксация.

Не родители не смогли договориться.

Один родитель предложил несколько способов.

Другой признал только отмену поездки.

— Моя позиция не изменится, — сказала Лина. — Поездка состоится. Адрес сообщён. Связь будет доступна. Предложения перенести встречи остаются в силе.

— Тогда фиксируйте её отказ исполнять соглашение, — сказал Алексей.

— Мы фиксируем позиции обеих сторон, — ответила Наталья Сергеевна.

— Она прямо говорит, что не передаст ребёнка.

— Потому что ребёнок будет во временной поездке, о которой вы уведомлены.

— Какая разница?

Лина посмотрела на него.

— Для тебя действительно никакой?

— Между чем?

— Между исчезновением ребёнка и отпуском у бабушки.

— Если я не получу дочь в установленное время, результат один.

Та же логика, что во время болезни.

Причина не имела значения.
Только результат.
Ребёнок не передан.
Значит, мать нарушила.
— Для Юли результат разный, — сказала Лина.
— Не прикрывайся ребёнком.
— Мы здесь именно из-за ребёнка.
— Мы здесь из-за твоего решения.
Наталья Сергеевна выключила диктофон.
— Думаю, позиции ясны.
— И что вы решите? — спросил Алексей.
— Орган опеки не выдаёт разрешение на отпуск и не устанавливает запрет на поездку в рамках такой беседы. Подготовим ответ на ваше обращение.
— То есть вы разрешаете ей нарушать?
— Мы ничего не разрешаем и не запрещаем. Вы вправе защищать свои права установленными законом способами.
Алексей улыбнулся.
— Я так и сделаю.
Лина услышала обещание.
Не угрозу, которую можно было оспорить.
Спокойное обещание запустить следующую процедуру.

После встречи Алексей не ушёл.
Ждал возле входа.
Вера Михайловна и Лина остановились у ступеней.
— Теперь довольны? — спросил он.
— Чем? — сказала Лина.
— Показала, какая самостоятельная.
— Я не для этого пришла.
— Думаешь, если адвоката привела, можешь делать что хочешь?
— Нет.
— Тогда отменяй билеты.
— Не отменю.
— Я тебя предупредил.
— О чём?
— О последствиях.
Вера Михайловна включила запись на своём телефоне.
— Уточните, пожалуйста, о каких последствиях вы говорите.
Алексей посмотрел на неё.
— Законных.
— Каких именно?
— Обращусь куда нужно.
— Это ваше право.
— Потом не говорите, что не знали.
— Мы знаем о вашем намерении обращаться в органы, — сказала юрист. — Вы также знаете адрес ребёнка, сроки поездки и предложения по связи.
— Адрес я не проверял.
— Это не делает его неизвестным.

— Посмотрим.

Он повернулся к Лине.

— Третьего числа будешь на вокзале?

Она не ответила.

— Какой поезд?

— Данные, необходимые для уведомления, ты получил.

— Значит, скрываешь.

— Нет.

— Время отправления?

— Оно есть на копии билета.

— Там всё замазано.

— Дата и город видны.

— Специально сделала так, чтобы я не мог приехать.

Лина почувствовала, как смысл требования наконец проявился полностью.

Не безопасность.

Не сведения на случай аварии.

Он хотел приехать на вокзал.

— Зачем тебе время отправления? — спросила она.

— Попрощаться с дочерью.

— Можешь увидеть её на встрече до поездки.

— Я хочу на вокзал.

— Нет.

— Почему?

— Потому что не хочу конфликта перед детьми.

— А я сказал, что будет конфликт?

— Ты не принимаешь саму поездку.

— Значит, боишься, что я её остановлю.

— Да.

Он улыбнулся.

— Тогда правильно боишься.

Вера Михайловна сделала шаг вперёд.

— Фраза записана.

Улыбка исчезла.

— Я имел в виду законно.

— Тогда используйте законные процедуры. Не приезжайте без согласования на вокзал и не препятствуйте посадке.

— Вы мне запрещаете видеть дочь?

— Мы предупреждаем о недопустимости создания конфликтной ситуации.

— Всё перевернули.

Алексей пошёл к машине.

Перед тем как открыть дверь, обернулся.

— Шестого буду у дома.

— Ты знаешь, что Юли там не будет, — сказала Лина.

— Вот это и зафиксирую.

Он сел и уехал.

В машине Вера Михайловна не сразу завела двигатель.

— Номер поезда больше никому не отправляйте.

- Мама знает.
- Это нормально. Она встречает вас.
- А если Алексей узнает через неё?
- Предупредите не сообщать.
- Она может не понять, почему это важно.
- Объясните.

Лина смотрела на дорогу.

- Он прямо сказал, что может остановить поездку.
- Сказал двусмысленно.
- Специально.
- Вероятно.
- Почему вы не называете это угрозой?
- Потому что слов «я остановлю вас силой» он не произнёс.
- Он всегда оставляет место.
- Какое?
- Чтобы потом сказать, что имел в виду другое.

Вера Михайловна кивнула.

- Именно поэтому запись важна не как одна фраза, а как контекст.
- Но в официальном объяснении вы опять уберёте контекст до двух страниц.
- Если понадобится — выделю существенное.
- Кто решает, что существенно?
- Сначала мы. Потом тот, кто читает.
- А он?
- Он выбирает своё.
- Значит, снова две папки.
- Да.

Лина закрыла глаза.

- Я хотела просто поехать к матери.
- Вы и поедете.
- Уже не просто.
- Нет.

Честность юриста иногда утешала сильнее обещаний.

- Что делать до поездки?
- Ещё раз уведомить его за несколько дней. Сохранить доставку. Предложить видеосвязь. Не сообщать лишние данные. Предупредить школу, сад и бабушку.
- Школу зачем?
- На всякий случай, если он начнёт выяснять через учреждения, где Павел.
- Павел ему никто.
- Это не мешало упоминать его раньше.
- Сад?
- Там должны знать даты отсутствия Юли и возвращения.
- Чтобы он не заявил, что я перестала её водить?
- Чтобы существовал ещё один спокойный документ о временном отсутствии.

Лина открыла заметки.

Записала.

Отпуск обрастал инструкциями.

Не публиковать фотографии.

Не сообщать номер вагона.

Предупредить сад.

Предупредить мать.

Сохранить билеты.

Повторить уведомление.

Зафиксировать предложения связи.

Проверить блокировку геолокации.

Не отвечать на звонки вне согласованного времени, если разговор превращается в давление.

Обычная поездка становилась операцией.

— И главное, — сказала Вера Михайловна.

— Что?

— Не проводите две недели, доказывая, что имеете право отдыхать.

Лина посмотрела на список.

— А как?

— Выделите конкретное время для связи. Остальное время живите.

— Он не даст.

— Он может звонить. Вы можете не вступать в каждый разговор.

— А потом покажет пропущенные.

— Покажет.

— И что?

— Вы покажете, что связь в согласованное время обеспечивалась.

— А если он откажется от неё?

— Это будет его решение.

Лина вспомнила болезнь.

Три предложения.

Три отказа.

Пять минут у подъезда.

Потом жалоба.

— Он откажется, — сказала она.

— Возможно.

— И всё равно заявит, что связи не было.

— Возможно.

— Вы так спокойно это говорите.

— Потому что мы заранее видим конструкцию.

— И не можем остановить.

— Но можем её разобрать.

Мать ответила на звонок вечером.

— Всё хорошо? — спросила она.

— Не совсем.

— Он запретил?

— Попытался.

— Опека что сказала?

— Что не выдаёт разрешений на отпуск.

— Тогда всё.

— Не всё. Он хочет приехать на вокзал.

— Пусть приезжает.

— Мам.

— Что?

- Не сообщай ему номер поезда и время отправления.
 - Я и не собиралась с ним разговаривать.
 - Если позвонит с другого номера, не подтверждай детали.
 - Надя, мне шестьдесят лет. Я пойму, что говорить.
 - Ты можешь подумать, что если всё спокойно объяснить, он успокоится.
- Мать замолчала.
- Именно так она бы и подумала.
- Он не успокоится?
 - Нет.
 - Тогда зачем вообще ему что-то сообщать?
 - Потому что он отец Юли.
 - Удобно устроился.
 - Мам.
 - Что «мам»? Отец — когда требует. А когда ребёнок болеет, вы всё равно сами.
 - Он забирает её.
 - Когда здоровая и по расписанию.
 - Не начинай.
 - Я не начинаю. Я тебя два года слушаю.
- Лина посмотрела на закрытую дверь детской.
- Просто не вступай с ним в спор.
 - Хорошо.
 - И если приедет к тебе без согласования...
 - Не пущу.
 - Сначала позвони мне.
 - Хорошо.
 - Если будет ломиться — в полицию.
 - Поняла.
 - Не говори, что я преувеличиваю.
 - Не скажу.
- Мать вздохнула.
- Вы всё равно приезжайте.
 - Приедем.
 - Я уже комнату приготовила.
 - Какую?
 - Твою старую. Для Юли поставила кроватку. Паше раскладушку в соседней.
 - Он может захотеть отдельно.
 - Пусть выбирает. Есть маленькая комната возле веранды.
 - Точно?
 - Здесь места хватит.
- Снова эта фраза.
- Лина закрыла глаза.
- Спасибо.
 - За что?
 - За то, что не спрашиваешь, заслужили ли мы комнату.
- Мать не сразу поняла.
- Ты у себя дома, — сказала она.
- Лина не стала объяснять, почему от этих слов захотелось плакать.

Через два дня опека направила ответ.

Он был осторожным.

Сведения о наличии угрозы жизни и здоровью ребёнка в предполагаемом месте временного пребывания не представлены.

Вопрос временных поездок несовершеннолетнего и изменения дат общения родителям рекомендовано разрешать по взаимному согласованию с учётом интересов ребёнка.

Оснований для принятия органом опеки мер по запрету поездки по представленным материалам не установлено.

Лина прочитала последнюю фразу несколько раз.

Оснований не установлено.

Не разрешение.

Не одобрение.

Но и не запрет.

Она отправила документ Вере Михайловне.

Та ответила:

Хороший нейтральный ответ. Сохраните полностью.

Алексей написал через час:

ОПЕКА УКАЗАЛА, ЧТО ИЗМЕНЕНИЯ ДОЛЖНЫ БЫТЬ СОГЛАСОВАНЫ СО МНОЙ. Я НЕ СОГЛАСОВАЛ.

Он не упомянул отсутствие оснований для запрета.

Не упомянул, что угрозы не представлены.

Из ответа снова осталась одна строка.

Лина не стала пересылать документ, который он уже получил.

Написала:

Я предложила несколько вариантов переноса. Ты отказался от всех и требуешь отменить поездку.

ПОТОМУ ЧТО НАРУШЕНИЕ НЕЛЬЗЯ СОГЛАСОВАТЬ ЗАДНИМ ЧИСЛОМ.

Поездка ещё не состоялась. До неё три недели.

БИЛЕТЫ ТЫ УЖЕ КУПИЛА.

Потому что отпуск планируют заранее.

ПОТОМУ ЧТО ТЫ ЗАРАНЕЕ РЕШИЛА НАРУШИТЬ.

Лина остановилась.

Вот как работала его версия.

Если купить билеты после согласования — он мог не согласовывать бесконечно.

Если купить заранее — это умысел.

Если не сообщить — сокрытие.

Если сообщить — предупреждение о будущем нарушении.

Если предложить замену — признание, что встречи не состоятся.

Если не предложить — отказ компенсировать.

Каждое действие уже имело подготовленное обвинение.

Она написала:

Заблаговременное уведомление подтверждает мою добросовестность, а не умысел нарушить твои права.

Алексей ответил:

ЭТО БУДУТ РЕШАТЬ ДРУГИЕ.

Не «мы».

Не «опека».

Другие.

Люди, которым он собирался показать пустой подъезд.

Павел узнал об ответе опеки за ужином.

— Значит, нам разрешили? — спросил он.

— Нам не требовалось разрешение.

— Тогда что ответили?

— Что оснований запрещать поездку нет.

— Это почти разрешили.

— Почти.

— Алексей согласился?

— Нет.

— Но опека же сказала.

— Она не сказала, что он обязан согласиться.

— Странно.

— Очень.

Юля макала хлеб в суп.

— Баба?

— Скоро поедem к бабушке, — сказала Лина.

— Завтра?

— Через много снов.

— Я буду считать.

— До скольких умеешь?

— До десяти.

— Придётся несколько раз.

Павел улыбнулся.

— Я помогу.

Юля подняла палец.

— Один сон.

— Сегодня будет первый, — сказал он.

— А потом поезд?

— Потом ещё много.

Она вздохнула.

— Долго.

— Зато бабушка ждёт.

— И пирог?

— И пирог.

Юля снова занялась супом.

Для неё разрешение на отдых существовало только в ожидании поезда, бабушки и пирога.

Никакой официальный ответ не мог сделать поездку более законной в её глазах.

Она ещё не знала, что взрослые способны превратить радость в предмет согласования.

Ночью Лина увидела календарь.

Он висел на двери квартиры.

Августовские дни были маленькими окнами.

В каждом происходила отдельная сцена.

Третьего августа поезд отходил от платформы.

Шестого машина Алексея стояла возле пустого подъезда.

Тринадцатого рядом с ней мигали синие огни.

Семнадцатого Лина с детьми возвращалась с чемоданами.

Красная линия соединяла все четыре окна.

Девочка в светлом платье стояла на лестничной площадке.

— Он не смог запретить, — сказала Лина.

— Нет.

— Значит, мы победили?

— Вы ещё не уехали.

— Но оснований для запрета нет.

— Ему не нужен запрет.

— Тогда что?

Девочка коснулась шестого августа.

Окно увеличилось.

Алексей вышел из машины.

Проверил время.

Навёл камеру на дверь.

— Ему нужно отсутствие, — сказала девочка.

— Он сам его создаст.

— Нет.

— Но он знает, что нас не будет.

— Именно поэтому отсутствие уже готово.

Лина посмотрела на третье августа.

Поезд стоял у платформы.

— Если мы не поедем, записи не будет.

— Не будет.

— Тогда всё закончится?

Девочка покачала головой.

— Тогда он узнает, что может остановить поезд письмом.

— А если поедем?

— Узнает, что письмо не остановило.

— И начнёт жаловаться.

— Да.

— Получается, правильного выхода нет.

— Есть.

— Какой?

Девочка указала на окно, где Павел и Юля сидели в вагоне.

— Тот, в котором вы живёте.

— А документы?

— Они будут в любом случае.

— Зачем он их готовит?

Девочка провела пальцем по красной линии.

Она потянулась от пустого подъезда к серому металлическому шкафу.

Дверца открылась.

Внутри стояли папки.

На корешках не было названий.

Только номера.

— Для возвращения, — ответила девочка.

— Но мы и так вернёмся.

— Не вашего.

— Чьего?

Девочка посмотрела туда, где в одном из окон стоял Алексей.

— Его возвращения в вашу жизнь.

Лина проснулась.

На кухне было темно.

Телефон мигал новым сообщением.

Алексей отправил его в два часа семнадцать минут.

**ПРЕДУПРЕЖДАЮ ПОСЛЕДНИЙ РАЗ: ЕСЛИ ТЫ УВЕЗЁШЬ РЕБЁНКА БЕЗ
МОЕГО СОГЛАСИЯ, ВСЕ ПОСЛЕДСТВИЯ БУДУТ НА ТЕБЕ.**

Лина не ответила.

Сделала снимок экрана.

Сохранила в папку.

Потом открыла билеты.

Проверила дату.

Третье августа.

Поезд никуда не исчез.

Она закрыла телефон.

До отъезда оставалось двадцать дней.

Алексей не смог получить запрет.

Поэтому начал готовить последствия.

Лина уже понимала:

его целью было не остановить отпуск.

Ему нужно было, чтобы после него она вернулась в другую реальность.

Туда, где поездка к бабушке будет называться вывозом.

Заранее сообщённый адрес — непроверенным местонахождением.

Отказ от ежедневного видеоконтроля — сокрытием.

А два счастливых детских дня, выпавших на его график, — нарушением, которое можно предъявить государству.

На столе лежал ответ опеки.

В нём не было запрета.

Но не было и защиты от того, что Алексей собирался сделать дальше.

Лина выключила свет.

В темноте белели билеты.

Не разрешение.

Не оправдание.

Просто дорога.

И впервые за долгое время Лина решила, что этого достаточно.

Глава 13. Поезд

Третьего августа Лина проснулась раньше будильника.

В квартире было тихо.

Павел спал в одежде поверх покрывала. Рядом с диваном стоял рюкзак, собранный ещё вечером.

Юля лежала поперёк кровати, обняв игрушечного зайца. Синяя машинка находилась под подушкой.

Лина несколько минут смотрела на детей.

Они ещё никуда не уехали.

Не нарушили ни одной даты.

Не пропустили ни одной встречи.

Не оставили пустым ни один подъезд.

Но в папке **Отпуск**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.